

Юрий Крупнов: «Развивая других, мы будем развиваться сами»

Выход России из кризиса связан с реализацией новой политики на Востоке.

«Частный корреспондент» представляет читателям Юрия Крупнова — писателя, лидера Движения развития, адепта концепции Новой Средней Азии и прогрессорской миссии Сибири.

— **Мы исходим из того, что без новой геополитики в Азии Россия вряд ли сохранит Дальний Восток, и это, я думаю, нет смысла подробно доказывать. Вопросы вызывают те конкретные шаги, которые вы предлагаете совершить. О них и хотелось бы поговорить конкретно и бескомпромиссно.**

— Я считаю, что развитие нашей страны, в том числе и выход из настоящего кризиса, связаны с доработкой и реализацией новой политики на Востоке. При этом речь не идет о противопоставлении Востока и Запада. Я бы назвал этот концепт «Приоритет: два Востока». Имеется в виду Дальний и Средний Восток. Дальний Восток — прежде всего российский Дальний Восток, который должен стать регионом опережающего развития, новым центром развития страны, иначе мы в той или иной форме потеряем этот регион, если уже не потеряли.

Два года назад во Владивостоке была издана замечательная академическая монография Константина Татценко, в которой делается аргументируемый вывод, что центр управления экономикой системы российского Дальнего Востока находится вне России, в основном в Китае. Второй Восток — **Новый Средний Восток**, куда попадают наша Сибирь, Средняя Азия, в которой большинство населения до сих пор владеет русским языком, и собственно Средний Восток: Афганистан, Иран, Пакистан, север Индии. От благополучия и стабильности этого региона в ближайшие годы зависит, будем ли мы в России все силы тратить на тушение геополитических пожаров на этом направлении, неважно, связаны ли они с наркотрафиком, трафиком терроризма или с общей нестабильностью во всем ее многообразии, или сможем сосредоточиться на созидательном труде. В целом наша задача видится мне как превращение этой территории в принципиально новый макрорегион, новый географический факт — Новый Средний Восток, отличающийся стабильностью и промышленным подъемом на основе проведения ускоренной индустриализации и системного сотрудничества России, Индии, Китая, Ирана, Афганистана, Пакистана, Монголии, Казахстана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана, Азербайджана и Турции. Решая эту задачу, мы обретем геополитическую миссию Сибири, которая в своем развитии в настоящее время существенно провисает.

— **Насколько я понял из ваших опубликованных работ, вы предлагаете для этого региона что-то похожее на ЕЭС?**

— Аналогии не всегда продуктивны. Речь идет о крайне разнородном пространстве, которое отнюдь не характеризуется единым уровнем стран и возможностью отсутствия границ, а экономическое единство должно быть основано не на административных режимах, а, скорее, на единой технологической политике. Дело в том, что регион

настолько разнообразный, что просто взять и отменить границы и перестать обращать внимание на различия — катастрофически некультурно. Опять же, почему мы должны брать за образец европейское сообщество?

— Тогда мы должны разобраться, каков будет формат административных отношений в этом регионе, позволяющий считать его единым экономическим пространством? Ведь этому должна предшествовать какая-то переговорная работа, унификация правил.

— И так, и не так. На мой взгляд, в основе единого экономического пространства должна лежать не общность административного или идеологического режима, типа мы экспортируем коммунизм или капитализм, а единая технологическая база в интересах индустриализации и реиндустриализации Среднего Востока. Прежде всего индустриализации Афганистана, вторичной индустриализации Средней Азии (в советское время тот же Таджикистан, например, был очень хорошо индустриализирован) и, наконец, третичной индустриализации и реиндустриализации Сибири.

— Задача поистине глобальна. На какие ресурсы вы предполагаете опереться — на российские или азиатские?

— Здесь я бы вам резко возразил, хотя на вопрос не возражают. Я бы не согласился с основанием вашего вопроса, в котором угадывается намек на дефицит кадров в Сибири. Я всё время сомневался в достоверности тезиса о дефиците кадров в России, а в последнее три года, когда я получил возможность более предметно работать с регионами, убедился, что это вообще ложная картина реальности. Наоборот, у нас гигантский дефицит рабочих мест «высокой степени человеческого достоинства» (определение МОТ). Сложноорганизованных производств, включающих НИОКР, катастрофически не хватает. Поэтому у нас гигантский избыток высококвалифицированных человеческих ресурсов. Вместо роботов, как в Японии, мы, к несчастью, используем гастарбайтеров, симулируя как бы другую форму роботизации. Американцы или японцы ставят один станок, мы — десять, в итоге нам в несколько раз больше нужно станочников, и, соответственно, им всем надо платить зарплаты. Однако это еще больше закрепляет отсталые уклады, которые вдобавок еще и деградируют по отношению к укладу 70-х годов прошлого столетия. Поэтому и производство той же космической техники у нас в несколько раз дороже, чем в Америке, — из-за того, что почти в 10 раз больше используется ручной труд. А ведь основные издержки — в зарплате, что бы мы ни говорили. Помню, когда я работал в министерстве образования, меня глубоко возмущали выступления министра образования Владимира Филиппова, поддержанные, кстати, последним премьером СССР Николаем Рыжковым. Они говорили, что надо закрывать «лишние» вузы и делать упор на подготовку «рабочей силы». Пусть они своих детей и внуков отправляют в эту столь желанную ими рабочую силу, которую сегодня встраивают в устаревшие уклады и допотопную технологическую базу!

— Тем не менее если говорить о межрегиональном сотрудничестве, то кто должен к кому приходить? Азия к нам, или мы в Азию?

— Фантазии наших чиновников, что кто-то должен прийти и предложить инвестиции, — убоги и неадекватны. Идти должны мы. И предлагать конкретные вещи. Афганистану — индустриализацию. Средней Азии — реиндустриализацию. Но решая при этом гигантский спектр своих вопросов. Самый простой — нелегальной и полулегальной иммиграции. О чем мы говорим? Давайте в Средней Азии построим заводы и привяжем людей к родной земле.

— **Как в Индии, когда СССР строил меткомбинат в Бхилаи?**

— Правильно. И это вопрос, за счет чего мы как страна собираемся зарабатывать. Если мы собираемся зарабатывать интеллектуальной рентой и развивать свои образование и науку, тогда мы должны выстраивать трансфер отработанных технологий и, соответственно, разрабатывать у себя новые. Если мы отказываемся от собственной технологической базы, а политический класс, похоже, в целом отказывается, тогда нечего рассуждать. Тогда мы соглашаемся с ролью сырьевого придатка, а молодежи гарантируем, что они будут бултыхаться в черед дефолтов, останутся неустроенным офисным планктоном с бесперспективной карьерой. Никакого мирового кризиса у нас нет, схлынули нефтяная и кредитная халява, обнажив дефект системы. Нужна другая политика.

— **Рассматриваете ли вы риски, которые открываются на этом направлении? У нас 140 млн человек в стране, а в Азии гиганты. Индия — почти миллиард населения, Китай — больше миллиарда. То есть вас не беспокоит, что технологическое прогрессорство России может просто раствориться в этой массе?**

— Вот я и предлагаю в опережающем режиме снижать риски демографического давления. Оно всё равно будет направлено в сторону России. Значительное число беженцев из Афганистана уже присутствует на юге Киргизии, в Таджикистане. Давление нарастает, и в административные барьеры я не очень верю. Всё равно люди, желающие достойной работы и жизни, будут просачиваться.

— **Всё правильно, но как-то странно. Вместо того чтобы строить заводы у себя, мы собираемся строить заводы за границей. И там будет идти развитие, требующее от России сырьевых ресурсов. И мы опять придаток?**

— Только развивая других, мы будем развиваться сами, это исторический принцип российского развития, готов аргументировать. Либо мы как страна останемся материалом для реализации чужих интересов и технологий. Например, все в Азии знают, что в Новосибирске есть подготовленные кадры — надо протянуть руку и просто зачерпнуть, но ведь их страшно трудоемко было подготовить. Вся инновационная бла-бла-бла фактически и означает, что мы работаем и собираемся работать на самсунговских дядей. Наоборот, мы видим в Средней Азии и на Среднем Востоке рынки для продажи наших технологий, и кто кого будет эксплуатировать в этом случае — большой вопрос. Скорее нас могут обвинить, что мы хотим эксплуатировать население того же Афганистана, а мы должны стараться обосновать, почему это не империализм.

— **Эти идеи получают поддержку в верхах?**

— Честно, мне важнее, что вам и вашим коллегам это кажется интересным. На мой взгляд, все разговоры о всесии чиновников сильно преувеличены. Мы проигрываем в экспертизе. На самом деле что интеллектуалы пишут, то чиновники и реализуют. Мы должны понимать, что у нас три разные элиты. Первая элита — та, которая выстраивает новую российскую государственность как проект, опираясь на традиции досоветского и советского периода. Вторая элита — ностальгирующая — хочет вернуться в Советский Союз. Я сам просоветский человек, но понимаю, что СССР не вернется. Они вроде бы поддерживают идею возвращения в Азию, но толку от них мало. Надо ведь возвращаться не с пустыми руками, с чем-то. Третья же элита считает развал СССР благом. Они говорят: «У нас есть нефть, газ, пусть к нам приходят и кланяются в ножки». Им глубоко наплевать на развитие. Не только по отношению к Афганистану, у нас по отношению к Киргизии и даже к областям Центральной России нет политики. Третья элита, по сути, ненавидит Советский Союз и непрерывность российской истории. Им неинтересна большая Россия в территории 1913 года. Они считают, что не надо нам нигде быть, а нужно укреплять границы. Это и есть российский национализм, именно он развалил СССР и определил деградацию страны. Здесь, в российском национализме, сливаются в едином хоре и коммунисты, и патриоты, и либералы, и нелибералы.

— **Вряд ли это концепция чисто сегодняшнего дня. Вы уже думали, в какие управленческие решения ее можно было бы превратить?**

— У меня эта концепция окончательно сформировалась всего два месяца назад. Видно, что провалена стратегия развития Сибири. Видно, что у Сибирского отделения РАН там пока нет стратегических идей. Тем не менее очевидно, что Новосибирск, Томск, Бийск, Красноярск — это точки, которые имеют гигантский научный потенциал, который должен быть обращен на развитие Сибири, Дальнего и Среднего Востока. И это единственный способ задать миссию Сибири. Я думаю, Сибирское отделение РАН должно срочно собираться, как собирались сессии ВАСХНИЛ при Сталине. Однако сегодняшняя деградация науки заключается в том, что вообще не ставятся вопросы для принципиальных дискуссий. Пусть раздолбают мою концепцию, но что-то предложат взамен. Сначала наука должна дать свою оценку. Пусть назовут концепцию Нового Среднего Востока сказкой, но дайте нам другие — правильные — сказки!

— **Допустим, все согласились с концепцией, что тогда будем делать? Экспортировать заводы или торговать водой с Азией? На какую ось вся эта деятельность должна быть нагружена?**

— Первое, что мы должны сделать, — провести инвентаризацию научно-образовательного потенциала Сибири. Пока мы не выделим научный пятипроцентный «штрафбат» для прорыва, пока мы не создадим «великую сибирскую шарашку» под конкретное воссоздание полномасштабных производительных сил Сибири, ничего не произойдет. Не надо просто так лететь в тот же Афганистан, сначала мы должны кем-то стать. Для этого нужны концепты и проекты развития. Вот появился концепт Нового Среднего Востока, он напрямую касается будущего Сибири, и, на мой взгляд, Медведев, Путин, Квашнин должны собраться и пригласить меня обсудить его. Я понимаю вашу улыбку, но в данном случае я говорю не о себе, а об азбуке управления. Либо на основе критики этого концепта усилить свой концепт, либо доработать этот и принять. Поскольку такого приглашения нет, я должен думать, что есть какой-то секретный концепт развития

той же Сибири. Но академгородки, выдающееся социально-культурное изобретение всемирного значения, были заложены при тоталитарном режиме, а сейчас там появляются только островки элитного жилья. Мне лично стыдно за это. Перед тем же академиком Лаврентьевым, автором идеи технологического подъема перебазированных в годы войны на Восток заводов через создание городов-КБ... Либо мы исчезнем как великая страна, либо надо выбираться на свою столбовую дорогу.

Беседовал Сергей Митрофанов.